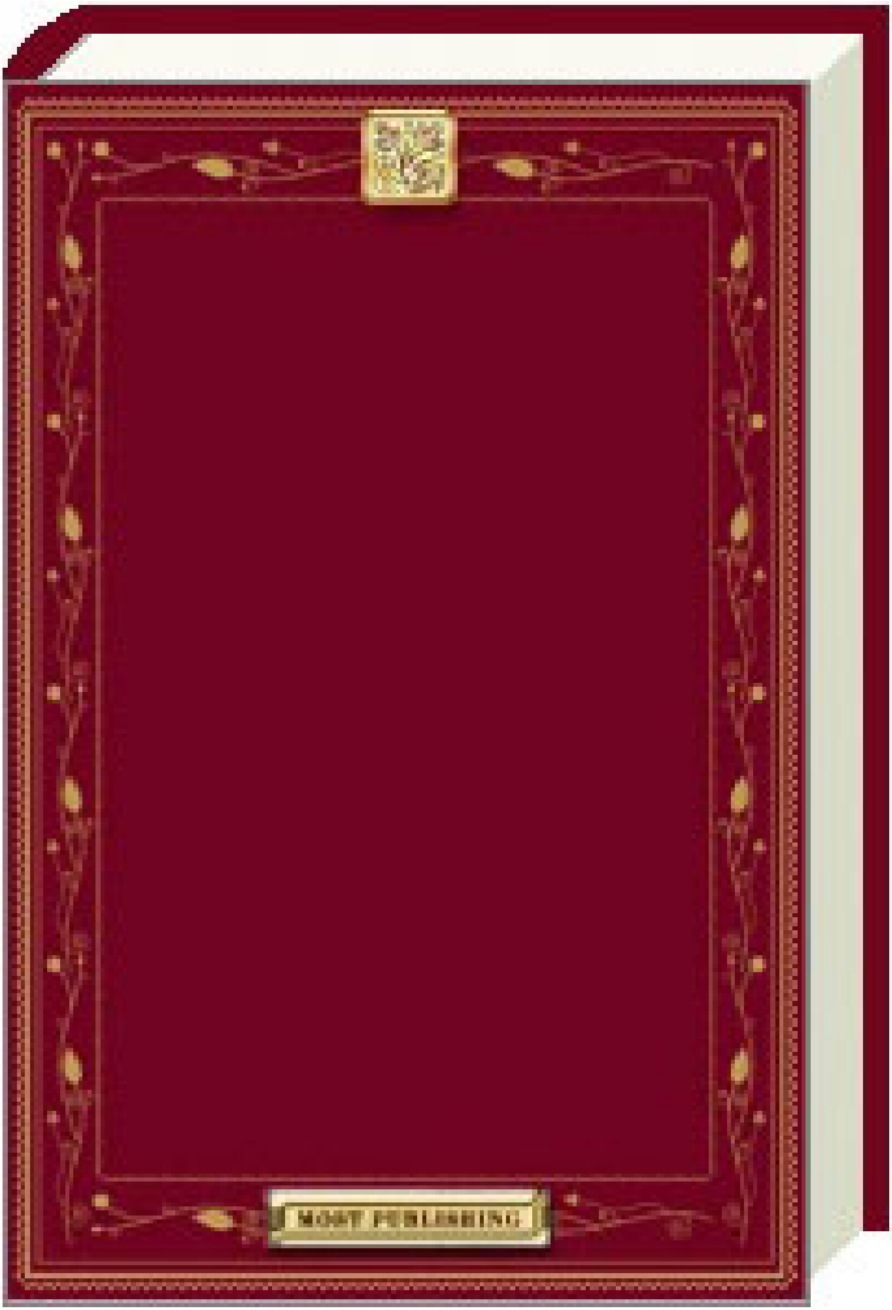

MOST PUBLISHING

SHOUT
SHARE
IT

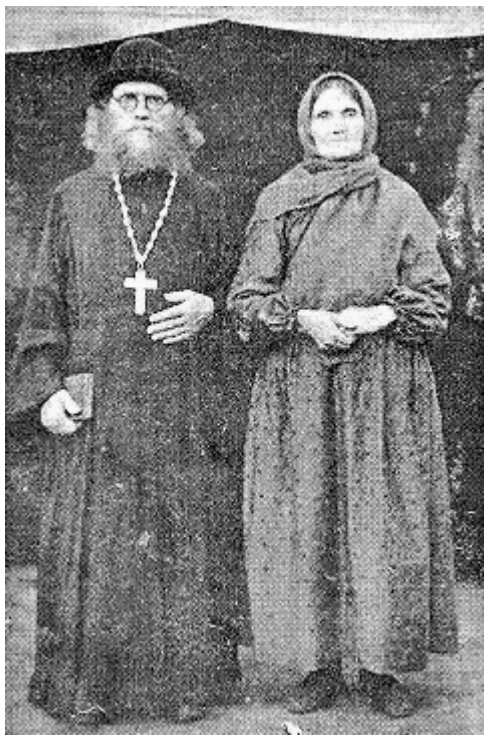
Annotation

Порой подумаешь: надо, наверное, вести дневниковые записи. Тогда останутся хотя бы на бумаге основные события, даты, имена людей. Так, возможно, не раз думал Георгий Дмитриевич Гребенкин. Его память на 89-м году жизни сохранила немало, он помнит самое важное: о том, как принимал в своем доме его отец Дмитрий Дмитриевич священномученика Онуфрия, архиепископа Старооскольского, как бедствовала семья после ареста отца, как обходила его, молодого связиста, пуля на войне, как трудился на маслобойном заводе, а по воскресеньям пел на клиросе и читал Апостол в старооскольском Свято-Троицком храме.

- С. Воронцова
  - ○

С. Воронцова
«Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение»

Порой подумаешь: надо, наверное, вести дневниковые записи. Тогда останутся хотя бы на бумаге основные события, даты, имена людей. Так, возможно, не раз думал Георгий Дмитриевич Гребенкин. Его память на 89-м году жизни сохранила немало, он помнит самое важное: о том, как принимал в своем доме его отец Дмитрий Дмитриевич сщенномученика Онуфрия, архиепископа Старооскольского, как бедствовала семья после ареста отца, как обходила его, молодого связиста, пуля на войне, как трудился на маслобойном заводе, а по воскресеньям пел на клиросе и читал Апостол в старооскольском Свято-Троицком храме.



Отец Дмитрий Гребенкин с супругой Пелагеей Матвеевной

Георгий Дмитриевич Гребенкин родился в Горшеченском районе, в селе Горшечное. Семья, по русским традициям, была

многодетной. Георгий Дмитриевич хорошо помнит девятерых своих сестер и братьев. Еще четверо ребятишек умерло во младенчестве. Жила семья в хорошем доме возле железнодорожной станции: четыре комнаты и кухня с огромной русской печью. Эта печь обогревала весь дом, а зимой вся детвора проводила там целый день. Родители были верующие и богобоязненные. Дмитрий Дмитриевич служил псаломщиком в храме, так что с малолетства все дети были знакомы с церковной службой. Георгий Дмитриевич помнит, как чуть ли не с двух лет он читал наизусть молитву «Отче наш».

После октябрьского переворота в 1917 году все труднее стало исповедовать свою веру. В 1918 году прошли массовые аресты правящих архиереев, к концу 20-х годов закрылись многие монастыри, а священники, даже из самых отдаленных поселений, явственно ощутили леденящий ветер приближающихся репрессий. И хотя Богослужения в храмах пока не прекращались, прихожан становилось все меньше, а кругом плодились обновленческие церкви.

В 1929 году на вновь образованную кафедру в Старом Осколе был назначен архиерей. Старооскольцы его еще не видели, но слух о нем уже разнесся: едет какой-то удивительный владыка, который дважды побывал под арестом, в тюрьмах и ссылке. Это был архиепископ Онуфрий (Гагалюк). По дороге из Тобольска 8 Старый Оскол на станции Горшечное его ссадили с поезда и арестовали. Трое суток продержали в погребе пристанционного дома. Но придраться, видимо, было не к чему, и власти отпустили «подозрительного» священнослужителя. Как вспоминает Георгий Дмитриевич, поезда в то время ходили редко, раз 8 сутки. Владыке нужно было где-то на ночь найти пристанище. Он постарался на улице узнать у прохожих, у кого можно остановиться. И тут ему указали на дом псаломщика Дмитрия. Самому Георгию Дмитриевичу тогда было всего восемь лет, и помнит он высокого гостя смутно. Конечно, ему было неведомо. о чем говорил владыка с отцом, но одно знает достоверно: архиерей пригласил отца в Старый Оскол, возможно, угадав в нем будущего пастыря.

События развивались быстро. По стране пошли массовые раскулачивания крестьян. В селе в кулаки записали всех крепких хозяев, а заодно и неблагонадежного псаломщика Гребенкина. Его справный дом экспроприировали для общественных нужд.

Вопрос: как жить дальше? — встал перед главой большого семейства со всей очевидностью. И тогда Дмитрий Дмитриевич отправился к владыке Онуфрию за советом.

Архиепископ Онуфрий, понимая всю сложность времени, все-

таки предложил Дмитрию Дмитриевичу принять сан священника. В 40 лет уже нет юношеского запала. Дмитрий Дмитриевич все обдумал и мужественно принял крест, предчувствуя тернистый путь.

Большая семья отца Димитрия. В верхнем ряду второй слева — Георгий Дмитриевич Гребенкин. В нижнем ряду вторая слева — дочь Ольга

Отца Димитрия владыка направил в село Бычок Касторенского района, Старшие дети после разорения дома уехали кто на Донбасс, кто в Старый Оскол, а младших батюшка вместе с матушкой увез с собой. Но прослужил отец Димитрий на приходе недолго. Через три года, в 1932 году, его арестовали и привезли в Старый Оскол. Пришли чекисты ночью. Для своих черных дел они всегда выбирали темное время суток… Через некоторое время был арестован и старо-оскольский владыка. Очевидно, чекисты искали компромат на архиерея, который безбоязненно разрушал их антирелигиозную пропаганду и планы по созданию обновленческой церкви, и арестовывали тех, кто был с ним связан.

Отца Димитрия сослали на Дальний Восток. Туда же в 1936 году будет отправлен и священномученик Онуфрий. В 1937 году отец Димитрий вернулся домой. Видимо, успел освободиться до июльского сталинского приказа о расстреле всех исповедников Христовых. Это был тот редкостный случай, когда священника впоследствии больше не подвергали репрессиям. Через какое- то время он вновь начал служить в Касторенском районе в храме села Телегино.

Пять лет без отца — тяжелое испытание для семьи. Георгий

Дмитриевич с трудом вспоминает, как ходил он по деревням вместе матерью побираться, чтобы хоть как-то прокормить младших братишек и сестренок. Однажды мама на его глазах чуть не утонула, вступив на тонкий лед реки. Не все пережили то голодное время. Но с возвращением отца жизнь потихоньку налаживалась.

Георгий Дмитриевич, оставив учебу, пошел работать. Когда началась Великая Отечественная война, записался добровольцем. В сражении на Курской Дуге он участвовал как связист, окончил войну в Брянской области. В Старый Оскол Георгий Дмитриевич вернулся в 1946 году и устроился работать на маслобойный завод, где трудился почти сорок лет.

Его отец — протоиерей Димитрий продолжал свое священническое служение. Служил он в Свято-Никольском храме в Незнамово, а в последние годы — в Чернянском районе.

— Отец был ангельского образа, — говорит Георгий Дмитриевич. — Никого из детей пальцем не тронул, грубым словом не обозвал. Очень добрый был. И такая же была матушка наша. Никого не обидели. Отца за его труды и лишения, которые он перенес, правящий архиерей наградил митрой.

После войны я стал часто ходить в храм, благодарил Бога, что остался жив. Начал петь на клиросе в Свято-Троицком храме и даже думал стать священником, как отец. Покупал богослужебные книги, изучил Псалтырь, но все-таки так и не решился принять сан, хотя в Курской епархии меня уговаривали. Конечно, с отцом мы много беседовали о вере, о молитве, но и я сам старался читать побольше.

«Золотыми книгами» называет Георгий Дмитриевич Молитвослов и Псалтирь. Читать он сейчас из-за нарушения зрения не может, но многие молитвы помнит наизусть. А молиться человек способен всегда, даже если он лежит без движения. Для этого ему дано сердце. Смерти Георгий Дмитриевич не боится, о месте для своего погребения позаботился заранее. Ему давно понятны снова апостола Павла: «Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение»

(Фил. 1,21).

С. Воронцова